

А. В. КРИВОКОНЬ

КЛУБЫ КАК ЦЕНТРЫ ДОСУГОВОЙ АКТИВНОСТИ ГОРОЖАН КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ И ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье рассматривается роль и место клубов в повседневной жизни горожан Кубани и Черноморья (до-революционный период). Автор освещает деятельность клубов, поведенческие практики их посетителей.

Ключевые слова: клубы, досуг, городское население, Кубанская область, Черноморская губерния.

До революции под термином «клуб» понимали особого рода объединение, члены которого, «принадлежащие обыкновенно к одному и тому же общественному классу, сходятся с известными целями в определенном месте»; цели могли быть разными, «начиная от удовольствий и кончая стремлениями политическими, научными, художественными, литературными» [1]. В данной статье рассматриваются клубные учреждения, целью которых было доставлять «своим членам и их семействам возможность проводить свободное время с удобством, приятностью и пользой» [2]. Эти организации наряду с термином «клуб» принято было именовать «собраниями».

Во второй половине XIX – начале XX века собрания играли одну из ведущих ролей в досуговом пространстве российских городов. Они обычно имели сословную или профессиональную ориентацию. Существовали войсковые, благородные, купеческие, городские общественные собрания, клубы при обществах приказчиков и т. д. Однако, как замечает А. С. Туманова, четкая направленность со временем размывалась, «и клубы включали в свой состав, сначала в порядке исключения, а потом уже по общеустановленному правилу, представителей местной общественности» [3].

В рассматриваемом регионе первый клуб появился еще в дореформенный период (Войсковое собрание в Екатеринодаре). С середины XIX века аналогичные учреждения открывались во всех кубанских и черноморских городах, иногда в сельских поселениях. Больше всего клубов находилось в Екатеринодаре.

Работа клубов регулировалась правилами и уставами, которые были однотипными и различались несущественно.

Обычно каждый клуб имел зимнее и летнее помещения. Внутреннее пространство здания включало библиотеку или читальню; бильярдную, «карточную»; буфет или ресторан; танцевальный зал.

Для организации досуга своих членов и их семей собрания устраивали балы, маскарады, танцевальные, музыкальные и литературные вечера, драматические представления, различные игры (в карты, домино, шашки, шахматы, на бильярде, биксе и т. д.); выписывали книги, газеты и другие периодические издания; приглашали специалистов по разным наукам для чтения лекций [4]; проводили семейные вечера. Местные общества использовали помещения собраний для благотворительных мероприятий. В клубах выступали приезжие артисты и любительские кружки. Концерты, спектакли, вокально-литературные вечера обычно заканчивались танцами – еще одним дополнением к обычным тан-

цевальным вечерам, которые имели место дважды в неделю (например, в Екатеринодарском купеческом собрании – по четвергам и воскресеньям) [5]. В стенах собраний отмечались общественные праздники. Под Новый год устраивалась елка для детей, а взрослые могли провести в клубе новогоднюю ночь. Чтобы попасть на эти мероприятия, необходимо было записываться заранее. В соответствии с числом записанных детей старшины клуба покупали подарки.

В залах собраний устраивались вечера и для учащихся. Двадцать седьмого декабря 1910 года во 2-м общественном собрании Екатеринодара состоялся танцевальный вечер для учащихся средних учебных заведений. «Зал, где обыкновенно свирепствует лото и непристойные маскарады, преобразился в храм чистого, искреннего веселья и радости», – писал корреспондент газеты «Кубанский край», добавляя, что напрасно некоторые старшины были против того, чтобы предоставить помещение под упомянутое мероприятие: «Они, очевидно, полагают, что смысл существования собрания – в нелепых лото и маскарадах, с их точки зрения заслуживающих предпочтения пред невинными танцевальными развлечениями. Полагаем, что если они были 27 декабря в собрании, то изменили свой первоначальный взгляд» [6]. В данном случае упоминание о маскараде показывает, что подобный вид проведения досуга не у всех пользовался уважением.

Участвовавшие в маскарадах горожане нередко наряжались «на злобу дня», более того, за костюм такого рода вручали призы, дамской и мужской; о них, как и о других призовых категориях, можно судить по перечню наград «маскарада Кабаре», состоявшегося 17 февраля 1911 года в екатеринодарском 2-м общественном собрании:

«Дамский приз за оригинальный костюм на злобу дня: большой массивный серебряный ридикюль.

Мужской приз: серебряный подстаканник с ложечкой в футляре.

За кавказскую лезгинку лучшей танцующей паре: серебряный вызолоченный бокал и серебряный вызолоченный стакан.

За малорусский гопак лучшей танцующей паре: серебряные в декадентском стиле чарки» [7].

В некоторых клубах гостей пропускали в зал только после «тщательной цензуры» масок. Например, в Ейске в январе 1911 года на одной неделе в местных клубах состоялось три маскарада, однако из-за цензуры маски «не блистали остроумием». Лишь на первом маскараде, вероятно, случайно прошла маска с плакатами:

«Продаю остатки совести». В. Ненашев» [фамилия городского головы. – А. К.],

«Требуется энергичный судебный следователь; – спросить в управлении Ейской ж. д.».

Репортер газеты «Кубанский край» не без сарказма сообщал: «На последний маскарад явились две маски-галоши; на одной галоше было написано: “Слава”, а на другой “Победа”. Маски-галоши обозначали старые пароходы Древицкого, известные своей грязью, тихим ходом, частыми крушениями и т. д. Но клубная цензура решила, что раз галоша, то это непременно что-нибудь насчет Ненашева... и масок не пропустили... Те протестовали, но безуспешно» [8].

Клубы являлись средоточием ночной жизни городов: обычно они закрывались в полвторого или в два часа ночи. Задержавшиеся после этого времени посетители платили при выходе штраф в пользу собрания. Например, во 2-м Новороссийском общественном собрании размеры штрафа составляли за первые полчаса задержки 30 коп., за вторые – 90 коп., за третьи – 2 руб. 10 коп.; и так до семи получасов, максимальная сумма превышала 30 руб. (время задержки не превышало 3,5 час; затем заведение закрывалось) [9]. В дни проведения концертов, вечеров, юбилеев и других мероприятий решение о сроке пребывания их участников в стенах собрания предоставлялось на усмотрение клуба, но время закрытия заведения не менялось.

В три последних дня Страстной недели, в первый день Пасхи, на Рождество и Крещение клубы не работали.

Год для посетителей клуба делился на летний (примерно с апреля по октябрь) и зимний (с октября по апрель) сезоны. Особенно насыщенным мероприятиями был зимний сезон, когда большинство горожан находилось в городе и не посещало рекреационные места на открытом воздухе.

Полиция контролировала деятельность собрания. Ее одобрение было необходимо для устройства маскарадов, вечеров с исполнением рассказов, куплетов и т. п. Пьесы, рассказы и прочее должны были быть одобрены драматической цензурой при Главном Управлении по делам печати, текст следовало исполнять без отступлений от дозволенного цензурой оригинала. Для надзора за происходящим на каждый вечер представителю полиции отводилось особое кресло в зале [10].

Делами клуба управляли Общее собрание и Совет старшин. Совет старшин определял дни для балов, маскарадов и других увеселений, плату за входные билеты, за бильярдную и карточную игру, цены на еду и напитки и проч. Для наблюдения за порядком в собрании каждый вечер назначался дежурный старшина. От посетителей требовали соблюдать приличия и вежливость. За нарушение порядка можно было лишиться права посещения клуба. Дежурный старшина улаживал споры и недоразумения между посетителями по карточным расчетам и вообще по игре. Если стороны оставались недовольны его постановлением, то решить этот вопрос окончательно предоставлялось Совету старшин [11].

Членами клубов могли быть лица мужского пола всех сословий и национальностей, кроме несовершеннолетних, учащих, состоящих на действительной военной службе нижних чинов и юнкеров. Членов, которые по той или иной причине были исключены из собрания, и тех, кто был

ограничен в правах по суду, в клуб также не принимали [12]. В уставах некоторых клубов бывали небольшие отступления от этого общего правила. Так, в уставе клуба Ейского общества приказчиков в перечень лиц, не имевших права вступать в собрание, добавлена прислуга [13]. В уставе Армавирского собрания служащих в общественных и частных учреждениях прописано, что лица, обладающие промысловыми свидетельствами первых двух разрядов на торговое предприятие и первых четырех разрядов на промышленные предприятия, могут быть только гостями [14].

Относительно гостей следует отметить, что таковые могли попасть в клуб лишь по рекомендации его члена, который записывал фамилию и звание приглашенного в особую имеющуюся у швейцара книгу и отвечал за поведение и долги гостя [15].

В собраниях разрешались все виды игр, кроме азартных и запрещенных правительством (банковые игры, рулетка и т. п.). Чрезмерное увлечение карточными играми и лото нередко имело негативные последствия для самих посетителей и их семей. Не обходилось в клубах и без драк, хулиганства. Туапсинский фельетонист Гр. Крайний в 1913 году сравнивал клуб с кабаком, где можно напиться, устроить дебош и даже попасть в участок [16]. Исходя из сказанного, спорным представляется сделанный историком Е. Ю. Климашкиной вывод о клубах как хранителях нравственности [17].

Некоторые представители обществственности осуждали частое проведение вечеров, балов и других увеселений в клубах, особенно неуместным это казалось в период русско-японской и Первой мировой войн. В Первую русскую революцию общественные клубы стали местом, где иногда устраивались акции, подобные той, что случилась, согласно сведениям, содержащимся в книге краеведа Н. Бельцева, в Ейске: во время спектакля погасили свет, с балкона полетели листовки. Зрители стали покидать зал, в котором неожиданно для них зазвучала «Варшавянка» [18].

Итак, клубы являлись одними из самых популярных центров досуга. Развитие клубной культуры на Кубани и в Черноморье во второй половине XIX – начале XX века шло в русле общероссийских тенденций, региональный аспект не был ярко выражен. В широкий спектр клубных увлечений наряду с культурно-просветительными (лекции, литературные и музыкальные вечера, концерты, спектакли) входили и иные формы проведения досуга (маскарады, танцевальные вечера, игра в карты, бильярд, бикс и т. д.).

Пожалуй, одной из главных функций клуба была коммуникативная: здесь проводили время за разговорами, отмечали знаменательные даты, общественные праздники и другие события.

Литература и источники

1. Яновский А. Е. Клуб // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 15. СПб., 1895. С. 426.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. 1903. Д. 336. Л. 5.
3. Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 109.
4. РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1901. Д. 171. Л. 3;

Ф. 1284. Оп. 187. 1903. Д. 336. Л. 5.

5. Частные объявления // Кубанские войсковые ведомости. 1865. № 40 (9 окт.).

6. Танцевальный вечер для учащихся // Кубанский край. 1911. № 324-2 (4 янв.).

7. Кубанский край. 1911. № 356-34 (12 февр.).

8. Наш край. Ейская жизнь // Кубанский край. 1911. № 339-17 (22 янв.).

9. РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1903. Д. 336. Л. 5 об.

10. Там же. Оп. 187. 1901. Д. 171. Л. 3–3 об.

11. Там же. Оп. 187. 1903. Д. 336. Л. 8, 9, 10 об. – 11 об.

12. Там же. Л. 6.

13. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 454. Оп. 2. Д. 3974. Л. 7.

14. Там же. Д. 3991. Л. 24–24 об.

15. РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1903. Д. 336. Л. 7 об.

16. *Крайний Гр.* Не повезло // Туапсинские отклики. 1913. № 4 (15 дек.).

17. *Климашкина Е. Ю.* Клубы как один из видов досуговых обществ и их роль в повседневной жизни Дона и Северного Кавказа в XIX – начале XX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 11. Пятигорск, 2010. С. 33–39.

18. *Бельцев Н.* Ейская городская хронология. Ейск, 2011. С. 39.

A. V. KRIVOKON'. CLUBS AS THE CENTERS OF LEISURE ACTIVITIES FOR URBAN POPULATION OF THE KUBAN REGION AND CHERNOMORSKAYA PROVINCE

The article deals with the role and place of clubs in everyday life of the urban population of the Kuban region and Chernomorskaya province (pre-revolutionary period). The author elucidates work of the clubs and behavior of their visitors.

Key words: clubs, leisure, urban population, the Kuban region, the Chernomorskaya province.

Е. А. ЗОРИНА

К ПОИСКУ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Систематизируя наиболее значимые философские подходы к проблеме взаимоотношений личности и общества, автор статьи выделяет достоинства концепции Г. Зиммеля и показывает перспективы ее разработки.

Ключевые слова: взаимоотношения личности и общества, Г. Зиммель, синтез, приоритет, обобществление.

К концептуальному осмыслению взаимоотношений личности и общества стремились многие философы. Не менее актуальной эта значимая для истории философской мысли проблема остается и сегодня, особенно в связи с постоянным обсуждением вопросов относительно прав и свобод личности, с утверждением необходимости дать ей возможность самовыражения, проявления креативных свойств.

Чтобы разобраться во всем многообразии работ данной проблемы, следует выработать критерии анализа и оценки, позволяющие наиболее адекватно установить их теоретическую состоятельность, а также предвидеть те последствия, которые может иметь их практическая реализация как для отдельно взятых лиц, так и для общества в целом.

Поскольку поиск этих критериев не может начаться без некоторой исходной установки, которая бы дала возможность двигаться к поставленной цели, в качестве этой исходной установки, или основополагающего постулата, на наш взгляд, необходимо взять следующее высказывание Э. Мунье: «Невозможно достичь сообщества, игнорируя личность, основать сообщество на чем-либо ином, кроме прочно утвердившихся личностей» [1].

В качестве предназначения человека, иначе говоря – основной его смысло-жизненной установки, мы берем не стремление последнего реализовать свои узкоэгоистические ценности, не использование отдельно взятых людей и общества в качестве всего лишь подручных средств, а создание некоего круга сообществ, в которых человек мог достичь собственного самозавершения. Нам важно, что при та-

ком подходе ни одно сообщество никогда не вправе требовать от личности отрицания самой себя.

Обозначенные условия дают возможность понять несостоятельность позиции тех философов и социологов, которые отдают предпочтение, с одной стороны, обществу перед индивидом, а с другой, индивиду перед обществом.

Первая точка зрения представлена, как известно, *социальным реализмом*, который утверждает, что общество – это некое реальное целое не в смысле совокупности людей, а в смысле первичной и надличной реальности, предстающей в виде особого рода организма, в котором различные общественные классы (а значит, и составляющие их люди) исполняют функции разных органов тела. И если отдельные индивиды есть всего лишь бесчисленные «клетки» целостного организма, предназначение которых состоит в поддержании жизни последнего, то их самостоятельная ценность сводится к нулю. Соответствующая концепция превозносит и даже обожествляет «целое» (общество), полностью или почти полностью игнорируя личные устремления людей, их индивидуальные желания и потребности. В практике общественной жизни она неизменно оправдывает тоталитаризм, что нетрудно заметить в учениях Платона, Гегеля, Дюркгейма и др.

Согласно второй, противоположной точке зрения, называемой *социальным номинализмом* (более точно ее следовало бы определить как *социальный атомизм*), «общество» – не что иное как обобщенное название совокупности множества отдельных людей. Онтологической реальностью